

ДОНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается въ Редак- ции, при Донской семинаріи въ Новочеркасскѣ. Цѣна годовому изданію вѣдомостей 3 р. 37 съ полов. к., а съ доставкой и пересылкою 4 р. серебромъ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

№ 11

1878 г.

1-го ЮНЯ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

О назначеніи новаго срока представленія въ Консис- торію благочинными Донской епархіи свѣчныхъ денегъ.

Донская духовная Консисторія слушала рапортъ одного изъ благочинныхъ Донской епархіи, съ просьбою разрѣшить его недо- умѣніе касательно времени представленія въ Консисторію свѣч- ныхъ прибыльныхъ суммъ, возникшее въ слѣдствіе того, что въ правилахъ о порядкѣ записыванія прихода и расхода въ церков- ныя шнуровыя книги и представленія отчетныхъ вѣдомостей не ска- зано: когда и какъ отбирается благочинными отъ церквей свѣчная прибыльная сумма и представляется въ Консисторію. Приказали, и Его Высокопреосвященство 5 апрѣля 1878 года изволилъ утвердить: признавая удобства одновременнаго полученія отъ всѣхъ благочинныхъ свѣчныхъ денегъ, Консисторія опредѣлила: предписать всѣмъ благочиннымъ Донской епархіи, чтобы они вы- ручку отъ продажи восковыхъ свѣчъ по церквамъ, какъ станич- нымъ, такъ и слободскимъ, отнынѣ представляли въ Консисторію

два раза въ годъ—въ концѣ іюня и декабря мѣсяцевъ, означая при томъ въ рапортахъ отдѣльно количество выручки по станичнымъ и слободскимъ церквамъ; въ эти же сроки должны быть представляемы благочинными и кружечный сборъ на улучшение быта православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ и однопроцентный взносъ изъ кошелековыхъ суммъ на уплату за лечение въ больницахъ лицъ духовнаго званія. О чемъ Донская духовная Консисторія объявляетъ по Донской епархіи.

Епархіальныя вѣстия.

О награжденіи духовныхъ лицъ Донской епархіи.

Донская духовная Консисторія объявляетъ по епархіи къ свѣдѣнію, что 1, указомъ Святейшаго Правительствующаго Синода, отъ 1 апрѣля 1878 года за № 968, нижепоименованныя духовныя лица Донской епархіи, за епархіальную службу, удостоены: а) возведенія въ санъ Протоіерея: Черкаскаго округа, Аксайской станицы священникъ Іаковъ Соколовъ и 2 Донскаго округа, Верхне-Курмоярской станицы, священникъ Нигита Никольскій, и б) благословенія Святейшаго Синода: 1 Донскаго округа, Орлово-Сальской слободы священникъ Павелъ Братковскій. 2) Указомъ Святейшаго Правительствующаго Синода, отъ того же апрѣля за № 935 нижепоименованныя духовныя лица Донской епархіи, за службу въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствѣ удостоены благословенія Святейшаго Синода: 2 Донскаго округа Нижне-Чирской станицы священникъ Алексій Доброводскій; того же округа Верхне-Курмоярской станицы священникъ Александръ Милотинъ; того же округа Голубанской станицы священникъ Алексій Александровъ; Усть-Медвѣдицкаго округа, Островской станицы священникъ Павелъ Федоровъ и того же округа Ново-Александровской станицы священникъ Петръ Марковъ.

Объявлено признательности за усердіе къ проповѣданію Слова Божія.

Донская духовная Консисторія объявляетъ признательность Донскаго Епархіальнаго Начальства настоятелю — священнику Крестовоздвиженской церкви слободы Скасырской, Дмитрію Бочкову за усердіе его къ проповѣдыванію Слова Божія.

Перемѣны по службѣ священноцерковнослужителей по Донской епархіи.

1) Сверхштатный дьячекъ Кобылянской станицы Федоръ Евимовъ 6 апрѣля 1878 года назначенъ на псаломщицкую вакансію къ церкви хутора Ромашкина, Нижне-Чирскаго благочинія, съ тѣмъ, чтобы до времени освященія этой церкви онъ оставался на настоящемъ его мѣстѣ.

2) Канцелярскій служитель 2 разряда Донской духовной Консисторіи, окончившій курсъ духовной Семинаріи, Матвѣй Оминъ 27 апрѣля 1878 года, опредѣленъ псаломщикомъ къ Новочеркаской Кладбищенской церкви.

3) И. д. псаломщика Казанской церкви Бакалановской станицы, причетникъ Василій Поповъ 29 апрѣля 1878 года, перемѣненъ на вакансію псаломщика къ Рождество-Богородицкой церкви хутора Колодезнаго, Романовскаго благочинія.

Умерли.

Заштатный священникъ хутора Большаго, Чернышевскаго благочинія, Анатолій Александровъ 18 марта 1878 года.

И. д. псаломщика Знаменской церкви Зотовской станицы, дьячекъ Иванъ Федоровъ 31 марта 1878 года.

Производство въ чины.

Указомъ Правительствующаго Сената отъ 23 апрѣля 1878 года № 36 произведены за выслугу лѣтъ въ чины: Секретарь при

Донскомъ Архіепископѣ, Коллежскій Секретарь Василій Однораловъ въ чинъ Титулярнаго Совѣтника со старшинствомъ съ 13 сентября 1877 года и столоначальникъ Донской духовной Консисторіи, Коллежскій Регистаторъ Платонъ Черницынъ въ чинъ Губернскаго Секретаря со старшинствомъ съ 7 августа 1868 года.

О постройкѣ приписной церкви въ хуторъ Больше-Лычацкомъ Сергіевской станицы.

По опредѣленію Епархіальнаго Начальства 6—28 апрѣля 1878 года разрѣшено построить церковь въ хуторѣ Больше-Лычацкомъ Сергіевской станицы, безъ образованія при ней самостоятельнаго прихода, съ тѣмъ, чтобы въ этой церкви совершалъ богослуженіе и христіанскія требы одинъ изъ Заподьянскихъ священниковъ съ псаломщикомъ, смотря по удобству и взаимному ихъ между собою согласію.

Объ утвержденіи церковныхъ старостъ по Донской епархіи на трехлѣтіе 1878—1880 г. г.

По Митякинскому благочинію.

Къ Николаевской ц., Луганской станицы урядникъ Федоръ Агѣевъ.

По Новониколаевскому благочинію:

Къ Троицкой ц., слободы Васильевки-Сысоевой крестьянинъ Карпъ Фидиченко.

По Константиновскому благочинію:

Къ Успенской ц., Кочетовской станицы урядникъ Федоръ Студеникинъ; Николаевской ц. Мелеховской станицы, урядникъ Григорій Бондаревъ; Николаевской ц., хутора Керченскаго, урядн. Евдокимъ Калмыковъ; Одиштрѣвской ц. хутора Крымскаго казакъ Василій Чекинъ; Георгіевской ц. хутора Бадамовскаго урядникъ Никита Васильевъ; Христорожественской ц. Нижне-Кундрюческой станицы урядн. Іосифъ Семерниковъ; Троицкой ц. хутора Нижне-Калинова, урядн. Егоръ Зимовѣйсковъ; Екатерининской ц., Екатерининской станицы казакъ Иванъ Семеновъ; Покровской ц. хутора Журавскаго, урядн. Сидоръ Першиковъ; Николаевской ц., Усть-Быстринской станицы, урядникъ Никандръ Брю-

ковъ, Архангельской ц. Золотовской ст, урядникъ Иванъ Багавъ; Николаевской церкви и станицы, урядникъ Герасимъ Власовъ; Христорожественской ц., Богоявленской станицы урядн. Давидъ Леоновъ; Покровской ц. Константиновской ст., урядникъ Тимоѳей Чеботаревъ, Архангельской ц. тойже станицы хорунжій Федоръ Семерниковъ и Архангельской ц. хут. Грушина урядн. Степанъ Шумковъ.

По Семикаракорскому благочинію.

Въ Успенской ц. хутора Веселаго, урядн. Алексѣй Смирновъ.

О пожертвованіяхъ на пріобрѣтеніе и вооруженіе океанскихъ крейсеровъ.

Поступили добровольныя пожертвованія на пріобрѣтеніе и вооруженіе океанскихъ крейсеровъ:

а) Отъ Высокопреосвященнаго Александра, Архіепископа Донскаго и Новочеркаскаго и изъ братской кружки Архіерейскаго дома 61 руб.

б) Отъ Преосвященнаго Нестора, Викарія Донской епархіи, 15 руб.

в) Отъ служащихъ въ Донской духовной Консисторіи 26 р. 50 к.

г) Отъ Секретаря при Донскомъ Архіепископѣ и монашествующихъ Донскаго Архіерейскаго дома 11 руб.

д) Отъ смотрителя и чиновниковъ Новочеркаскаго духовнаго училища 12 руб.

и е) Отъ неизвѣстнаго 50 коп.

А всего 126 рублей.

Каковыя деньги, для обращенія ихъ по назначенію, отосланы въ Г. Войсковому Наказному Атаману.

Отъ Правленія Донской духовной семинаріи.

С П И С О К Ъ

Учениковъ Донской духовной семинаріи, удостоенныхъ казеннаго пособия за январьскую треть 1877 $\frac{7}{8}$ учебнаго года.

№	Имена и фамиліи учениковъ съ распределеніемъ ихъ по благочиніямъ.	Количество пособія въ рублѣхъ.
По Павловскому благочинію.		
VI класса:		
1	Михаиль Аонасьевъ, хутора Мартыновскаго, заштатнаго священника Іоанна сынъ	50
По Урюпинскому благочинію.		
VI класса:		
2	Василій Поповъ, Типикинской станицы, діакона Александра сынъ	50
II класса:		
3	Митрофанъ Ермиловъ, Михайловской станицы, хутора Сычева, священника Александра сынъ	30
По Зотовскому благочинію.		
VI класса:		
4	Семень Діаконовъ, Федосѣвской станицы, дьячка Федора сынъ	40
III класса:		
5	Федоръ Поповъ, Букановской станицы дьячка Ивана сынъ	40
6	Иванъ Зимовновъ, Бурацкой станицы, пономаря Василя сынъ	50
По Качалинскому благочинію.		
VI класса:		
7	Василій Лавровъ, Сиротинской станицы умершаго священника Іоанна сынъ	50
IV класса:		
8	Василій Дмитріевъ, Голубинской станицы, діакона Іоанна сынъ	40

9	Дмитрій Григорьевъ, Пловлинской станицы діакона Іоанна сынъ	50
	I класса:	
10	Анатолій Стефановъ, священника Павла сынъ По Цымлянскому благочинію.	40
	V класса:	
11	Іванъ Алексеевъ, Маринской станицы, діакона Ва- силія сынъ	50
	III класса:	
12	Василій Колосовъ, Терновской станицы, священника Николая сынъ	40
	II класса:	
13	Григорій Максимовъ, Нагавской станицы дьячка Івана сынъ	40
	По Семикарагорскому благочинію. IV класса:	
14	Николай Матвѣевъ, хутора Кузнецовскаго священ- ника Аристарха сынъ	40
	II класса:	
15	Григорій Одинцовъ, Грушевскаго поселанина Івана сынъ	40
	по Глазуновскому благочинію. IV класса:	
16	Павель Семеновъ, Глазуновской станицы, умершаго священника Тимофея сынъ	50
	I класса:	
17	Семень Карповъ, умершаго священника Іоанна сынъ По Нижне-Чирскому благочинію.	50
	IV класса:	
18	Андрей Троицкій, Бобылянской станицы, умершаго священника Захара сынъ	40
	III класса:	
19	Николай Моисеевъ, слободы Громославки, дьячка Ан- дрея сынъ	30
	II класса	
20	Леонтій Часовниковъ, Потемгинской станицы священ- ника Василія сынъ	40

	По Ново-Николаевскому благочинію.	
	IV класса:	
21	Иванъ Вуколовъ слободы Екатериновки діакона Алексеѣи сынъ	40
	По Малодѣльскому благочинію.	
	V класса:	
22	Андрей Поповъ, Березовской станицы урядника сынъ.	50
	По Каменскому благочинію.	
	IV класса:	
23	Стефанъ Власовъ, Калитвенской станицы умершаго священника Филиппа сынъ.	50
24	Ксенофонтъ Ивановъ, поселка Сулиновскаго, священника Василя сынъ.	30
	По Усть-Медвѣдичьему благочинію.	
	IV класса:	
25	Василій Благодравовъ, Перекопской станицы умершаго діакона Антона сынъ	40
	II класса:	
26	Евоимій Бурякинъ, Усть-Медвѣдичьей станицы, казака Гавріила сынъ	40
	I класса:	
27	Михаиль Щепетковъ, Усть-Медвѣдичьей станицы, урядника сынъ	40
	По Большинскому благочинію.	
	IV класса:	
28	Митрофанъ Евоимьевъ, слободы Головой, священника Василя сынъ	40
	По Новочеркаскому благочинію.	
	IV класса:	
29	Иванъ Иларіоновъ, Еланской станицы, умершаго священника Іоанна сынъ	40
	III класса:	
30	Иванъ Сохрановъ, Новочеркаской Кладбищенской церкви дьячка Петра сынъ	40
	II класса:	
31	Валентинъ Левитскій, Мелеховской станицы, умершаго священника Михаила сынъ.	40

I класса: IV	
32	Константинъ Ивановъ, Бундюческой станицы, умершаго діакона Іосифа сынъ 40
33	Петръ Бодрухинъ, Бесергневской станицы, пономоря Тимофея сынъ 40
По Дегтевскому благочинію.	
IV класса:	
34	Діонисій Смирновъ, слободы Верхне-Ольховой Кацарь, дьячка Георгія сынъ 40
II класса:	
35	Никаноръ Еввановъ, слободы Маньковой Усть-Мѣловой умершаго священника Іакова сынъ 50
36	Яковъ Щелгуновъ, слободы Степановки, умершаго священника Іоанна сынъ 40
По Чернышевскому благочинію.	
III класса:	
37	Капитонъ Ивановъ, Вешенской станицы, діакона Григорія сынъ 50
По Романовскому благочинію.	
III класса:	
38	Петръ Знаменскій, слободы Ильинки священника Симеона сынъ 50
По Казанскому благочинію	
II класса:	
39	Василій Евсеевъ, Казанской станицы, дьячка Петра сынъ . 50
По Митякинскому благочинію	
I класса:	
40	Николай Васильевъ, Митякинской станицы, священника Михаила сынъ 40
По Ровеньковскому благочинію	
I класса:	
41	Левъ Малахievъ, поселка Леоново-Тузловскаго, священника Ильи сынъ 30
По Кагальницкому благочинію	
I класса:	
42	Семень Мануйловъ, Гуляй-Борисовской слободы священника Симеона сынъ 40

	VI класса:	
43	Иванъ Павловъ Манычской станицы сынъ казака.	40
	V класса:	
44	Николай Свищевъ, умершаго Консисторскаго чиновника, Коллежскаго Секретаря Александра сынъ	50
	III класса:	
45	Николай Раздольскій, Харьковской Губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, Протоіерея Павла сынъ	30
	V класса:	
46	Василій Ивановъ, Воронежской губерніи, псаломщика Ильи сынъ	40
	III класса:	
	Василій Ивановъ, Воронежской губерніи, станичникъ	50
	II класса:	
	Петръ Зяменскій, свободн. Шляхтичъ	50
	III класса:	
	Василій Васевъ, Казанской станицы дьякъ Петра сынъ	50
	I класса:	
	Николай Васильевъ, Митяинской станицы	40
	II класса:	
	Леонъ Мляхтѣевъ, поселка, Леонидъ-Туровскаго, священника Илья сынъ	30
	I класса:	
	Михайловъ, Туль-Воронежской станицы	40
	II класса:	
	Симеонъ Яковлевъ, священника	40

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

II.

Понятіе о совѣсти съ психологической стороны.

Разборъ различныхъ понятій о совѣсти.—Положительное понятіе о ней.—Несостоятельность ученія о совѣсти Дарвина.—Заключеніе.

Едва ли нужно говорить о несостоятельности того направленія, по которому воля и совѣсть одна и таже способность души человѣка. По изслѣдованіямъ Ульрици, воля не возможна безъ сознанія, потому что безъ сознанія она „была бы не волею, а простымъ инстинктомъ, позывомъ, стремленіемъ.“ Обращая вниманіе на возникающія въ нашей душѣ различныя стремленія, желанія и другія душевныя состоянія, воля какъ бы приостанавливаетъ ихъ въ сознаніи, не позволяя имъ разрѣшаться непосредственно движеніями тѣла, потребными для ихъ удовлетворенія. „Это первый актъ воли, когда она выступаетъ самодѣятельно, какъ воля. Затѣмъ слѣдуетъ, хотя не всегда, но въ большей части случаевъ, второй актъ, актъ взвѣшиванія и разсужденія, хотимъ ли слѣдовать гнетущимъ желаніямъ, побуждающему стремленію, или нѣтъ, или же какому либо изъ нѣсколькихъ, одновременно возбуждающихся стремленій мы хотимъ отдать преимущество. Только третій уже актъ есть рѣшеніе, положительный приговоръ о томъ, -хотимъ ли мы и что именно хотимъ сдѣлать. Слѣдовательно, воля, прежде нежели рѣшиться на что-либо, разсматриваетъ, сравниваетъ, взвѣшиваетъ, обсуждаетъ свой матеріалъ, между тѣмъ какъ совѣсть произноситъ только „да“ или „нѣтъ“, т. е. ея рѣшеніе всегда бываетъ на столько положительно, что само по себѣ и само въ себѣ не допускаетъ никакихъ разсужденій и колебаній; она, подобно Кантовскому императиву, всегда говоритъ человѣку только „ты долженъ“, предоставляя нашему сознанію дальнѣйшее обсужденіе свое-

го требованія. Далѣе, вѣдь общеизвѣстный фактъ, что понятія о добрѣ и злѣ мы составляемъ не на основаніи воли, а на основаніи совѣсти; значеніе воли состоитъ здѣсь лишь въ томъ, что она можетъ свободно мотивироваться тѣмъ или другимъ понятіемъ, но понятіемъ уже готовымъ, — она свободна сдѣлаться нравственною или безнравственною, но не можетъ дать намъ понятія о нравственномъ или безнравственномъ. Наконецъ, и не глубокое самонаблюденіе можетъ легко замѣтить, что требованія совѣсти относятся главнымъ образомъ къ волѣ: то побуждая или поощряя ее къ извѣстному образу дѣйствій, то запрещающа или осуждая ея рѣшенія. — Сказаннаго достаточно для заключенія, что воля и совѣсть два совершенно различные фактора: на основаніи перваго мы дѣйствуемъ добровольно, а на основаніи втораго — добросовѣстно.

Еще неосновательнѣе, по нашему мнѣнію, отождествленіе совѣсти съ нравственнымъ чувствомъ. Ибо чувство, какъ чувство, каково бы содержаніе его ни было, вообще „стихія не постоянная, измѣнчивая, нуждающаяся въ руководствѣ и направленіи.“ У одного и того же человѣка чувствованія измѣняются съ перемѣною его состоянія. Темпераментъ, возрастъ, полъ, расположеніе духа и тѣла, безконечнымъ образомъ разнообразяютъ наши чувствованія. Вообще нѣтъ ничего измѣнчивѣе и подвижнѣе чувствованія (1). — Если это такъ, то возможно ли то постоянство, тотъ авторитетъ совѣсти, которые издревле приписываются ей? Возможно ли было бы сказать, что это вѣрный компасъ нравственной жизни человѣка? Ясно, что нѣтъ. — Но допустимъ, что подобный авторитетъ и постоянство возможны для чувства. Какое же вліяніе внесъ бы этотъ авторитетъ въ область другихъ нравственныхъ дѣятелей? Говорятъ, что разумъ подлѣ вліяніемъ живости и воспріимчивости чувства становится особенно энергиченъ, изворотливъ, находчивъ. Если это и такъ, то все-таки подобныя качества еще нисколько не говорятъ о должномъ развитіи и направленіи нравственной

(1) Психологія Чистовича, стр. 145.

жизни; собственно говоря, разумъ унижается исключительнымъ вліяніемъ сердца или чувства; вмѣсто своего прямого назначенія— истолкованія и развитія нравственной дѣятельности человѣка— разумъ въ этомъ случаѣ становится простымъ служебнымъ орудіемъ потребностей сердца. На ту же степень, т. е. на степень простой рабочей силы низводится и воля подъ исключительнымъ вліяніемъ чувства. Нагляднымъ примѣромъ не нормальности такого вліянія служатъ мистики, для которыхъ, кромѣ пассивнаго созерцанія божественнаго, какъ бы вовсе не существуетъ нравственно—практической жизни.—Справедливо, наконецъ, говорятъ что умъ безъ чувства бываетъ слишкомъ холоденъ, а воля—слишкомъ формальна; но отсюда слѣдуетъ только то, что ни чувству необходимо приписать свою долю вліянія на обѣ эти области, но вліянія не авторитетно—руководительнаго.

Можно, конечно, сравнивать совѣсть и съ позывами или инстинктами и стремленіями, которыя возникаютъ изъ глубины человѣческаго существа, составляютъ „самыя первоначальныя пробужденія и жизненныя обнаруженія души“. Въ своихъ различныхъ обнаруженіяхъ позывъ побуждаетъ, разрѣшаетъ и руководитъ тѣ дѣятельности и движенія, которыя необходимы для того, чтобы живое существо могло существовать, ... могло жить. (2) Слѣдовательно, совѣсть и инстинктъ сходны между собою по своей независимости отъ нашей воли, непосредственности своего возникновенія и по своему отношенію къ другимъ силамъ души. Все это справедливо; но дѣло въ томъ, что съ терминами—инстинктъ, позывъ, склонность и под. мы соединяемъ представленіе о какомъ то темномъ, безотчетномъ влеченіи нашей природы (3),—они могутъ двигать душу и безъ того условія, чтобы она сознавала, что ей нужно и къ чему она стремится. Вслѣдствіе чего и чувство, возбуждаемое инстинктивными стремленіями души, сказыва-

(2) Тѣло и душа—591—592 стр.

(3) Тамъ же 255—271, 591—618. См. Чистовича П., Курсъ опытной психологіи 137—150 стран.

вается намъ въ видѣ какой-то бессознательной физической силы. Нельзя сказать этого о совѣсти. Чувство долга, возникающее подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ, мы признаемъ главнымъ руководительнымъ мотивомъ, обязательною нормою своей дѣятельности и, притомъ, ея обязательству приписываемъ чисто-нравственный характеръ; слѣдовательно, здѣсь нѣтъ мѣста для бессознательнаго, безотчетнаго влеченія. Да и въ самомъ дѣлѣ, не слишкомъ ли много силы приписываютъ инстинкту и стремленію, когда называютъ ихъ совѣстію? Возможно ли, чтобы неудовлетвореніе простаго стремленія, — таково мнѣніе Пальмера, — могло вызвать въ душѣ человѣка тѣ странныя и вмѣстѣ страшныя явленія, которыя, нерѣдко испытываетъ человѣкъ, сильно оскорбившій требованія своей совѣсти? Вотъ на примѣръ монологъ царя Бориса Годунова:

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,
 Но счастья нѣтъ моей душѣ.
 Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
 Предчувствую небесный громъ и горе!
 Ахъ, чувствую; ничто не можетъ насъ
 Среди мірскихъ печалей успокоить;
 Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть
 Табъ, здравая, она восторжествуетъ
 Надъ злобою, надъ темной клеветою,
 Ноесли въ ней единое пятно,
 Единое случайно завелось,
 Тогда бѣда: какъ язвой моровой
 Душа (горитъ, полетѣетъ сердце ядомъ,
 Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
 И все тошнить, и голова кружится,
 И мальчики кровавые въ глазахъ....
 И радъ ѡбжать, да некуда... Ужасно!
 Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста (4).

(4) Сочиненія Пушкина. Изданіе Анненкова; т. IV., «Борисъ Годуновъ»: 259—260 стран.

Въ этихъ немногихъ словахъ поэтъ весьма рельефно описалъ то состояніе чловѣка, которое прямо основывается на вліяніи совѣсти. Подобное же описаніе вліянія злой совѣсти находится въ книгѣ Премудрости Соломона (XVII, 3—18 ст).

Почему же не всякое стремленіе, а одно только нравственное можетъ вызывать подобнаго рода факты? Вѣдь всѣ стремленія сами по себѣ, какъ извѣстныя врожденные склонности имѣютъ одинаковую силу: состоятъ ли они въ ощущеніяхъ, въ чувствованіяхъ, въ представленіяхъ, или въ поступкахъ, — сила ихъ постепенно прастетъ только по мѣрѣ упражненія (5). Слѣдовательно, если мы допустимъ, что сила нравственнаго стремленія развила въ слѣдствіе частаго упражненія, то необходимо допустить, что тоже самое можетъ быть и съ другими стремленіями; значить и неудовлетвореніе ихъ будетъ сопровождаться подобными же психологическими явленіями. Но отъ такого предположенія мы рѣшительно должны отказаться за неизмѣнимъ фактовъ, а вмѣстѣ отказаться и отъ признанія совѣсти стремленіемъ и инстинктомъ.

Сама по себѣ совѣсть, совершенно справедливо говорить Вутке, не есть инстинктъ, или стремленіе, — она только дѣйствуетъ, какъ повелѣвающая или запрещающая инстинктъ:

Такимъ образомъ — сознаніе, разсудокъ, разумъ, воля, чувство, инстинктъ и стремленіе, разсматриваемые отдѣльно, одинъ отъ другаго, не выражаютъ главныхъ или существенныхъ моментовъ понятія о совѣсти, именно, съ одной стороны, не выражаютъ непосредственнаго вѣденія совѣсти, а съ другой — того авторитета, которымъ она пользуется въ нравственной жизни чловѣка и которымъ она обязываетъ къ извѣстнаго рода дѣятельности, судить, наказываетъ или награждаетъ его. Что же такое совѣсть? По нашему мнѣнію, какъ непосредственное вѣдѣніе своего предмета, такъ и мощная сила — обязательства, обнимающія всевозможные нравственно — индивидуальныя случаи чловѣческой жизни, должны быть, по всей справедливости, отне-

(5) Ульрици, с. 599.

Можно думать, что это именно обстоятельство, которое и составляетъ совѣсть въ практическомъ разномѣрѣ.

сены къ тому закону, который коренится въ глубинѣ чело-
веческой личности и служитъ основаніемъ его богоподобія. Слѣдова-
тельно, совѣсть можно будетъ опредѣлить такимъ образомъ: *она
есть тотъ естественный нравственный законъ, свойственный
нашей духовной природѣ, которой выражаетъ, или содер-
житъ въ себѣ идеальную норму нравственной жизни чело-
вѣка.*

Выходя изъ такого понятія о совѣсти, мы можемъ уже болѣе
тоянымъ образомъ опредѣлить ее и съ психологической стороны.
Высказанный нами взглядъ на совѣсть примиряетъ всѣ выше приве-
денныя понятія о ней. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ
импульсы естественнаго нравственнаго закона овладѣваютъ волею,
они должны обнаруживаться и въ чувствѣ и въ сознаніи. Отсюда у
насъ есть, какъ чувство, такъ и сознаніе безусловной зависимости
нашей воли отъ высшаго ея нравственнаго авторитета. употребле-
ніе этого закона не ограничивается предѣлами нашей личной
индивидуальной жизни; напротивъ, омы можемъ измѣрять въ об-
разѣ дѣйствій другихъ людей. Это необходимо вытекаетъ изъ
природы самаго закона. Такъ какъ законъ представляется намъ
выражающимъ общее опредѣленіе нравственной природы чело-
вѣка, то мы и признаемъ, что онъ имѣетъ значеніе не только для
насъ самихъ, но и для другихъ. Но, какъ замѣчено выше, этотъ
законъ обнаруживается не только въ чувствѣ, но и въ сознаніи:
мы чувствуемъ неудовольствіе, или даже отвращеніе отъ нравствен-
но дурныхъ поступковъ другихъ людей настолько, насколько
наше сужденіе не одобряетъ этого. Такимъ образомъ, одинъ и
тотъ же законъ и чувствуется и сознается (6), при чемъ первое
всегда предшествуетъ второму. Ибо все, что вліяетъ на душу, —
внѣшнія ли это впечатлѣнія, или впечатлѣнія, выходящія изъ
глубины души, — сначала возбуждаетъ чувство; отсюда и нравст-
венный законъ или совѣсть, въ силу психической жизни чело-
-

(6) Знать не безъ основанія и народное возрѣніе смотритъ на со-
вѣсть какъ на чувство и какъ на сознаніе. — Здѣсь же лежитъ основаніе того,
что многіе отождествляютъ совѣсть съ сознаніемъ закона. (6)

ка, прежде всего чувствуется (7), а такъ и какъ ощущение и чувство составляютъ условіе и элементарную матерію сознанія (8), то нравственное чувство пробуждаетъ также и знаніе нравственнаго закона. — Далѣе, такъ какъ вся сознательная часть души основывается на безсознательной, то нравственный законъ относится прежде всего къ безсознательной области духа (9), обнаруживая отсюда свое значеніе и въ чувствѣ и въ сознаніи; но чувство — пассивная сторона нашей душевной жизни, т. е. оно является не само по себѣ, а только вызывается другими явленіями, вслѣдствіе чего и возбужденія совѣсти должны навязываться чувству произвольно; чувство проникаетъ въ сознаніе, значитъ проникаетъ въ сознаніе и нравственное чувство: мы вовсе не могли бы говорить о чувствѣ справедливаго и не справедливаго еслибы оно не было сознательнымъ. При всемъ томъ, это произвольно и необходимо образующееся знаніе чувства можетъ относиться только къ самому общему и самому неопредѣленному содержанію этого чувства. Болѣе же точное раскрытіе содержанія нашего чувства возможно только при посредствѣ строгаго мышленія. Такъ бываетъ, главнымъ образомъ, потому, что хотя сознаніе о справедливомъ и несправедливомъ въ ихъ общихъ чертахъ можетъ быть у каждаго, однако точное познаніе требованій совѣсти и вѣрное обсужденіе отдѣльныхъ случаевъ, которые требуютъ ихъ примѣненія, возможно только въ томъ случаѣ, если человѣкъ намѣренно обращаетъ къ нимъ дѣятельность своего разума (10). Отсюда то и происходитъ то, что нравственное чувство кажется богаче, нежели нравственное сознаніе. Вообще, оно богаче тамъ, гдѣ дѣятельность мышленія не уясняетъ себѣ его содержанія. Но, очевидно, это не даетъ права говорить, что содержаніе нравствен-

(7) Поэтому неудивительно, что многіе называютъ совѣсть непосредственнымъ сознаніемъ или просто чувствомъ.

(8) Смолр. Ульрици, тѣло и душа съ 279 стр. сличит. 610 стр.

(9) Въ этомъ, вѣроятно, и заключается причина отождествленія совѣсти съ инстинктомъ и стремленіемъ.

(10) Можно думать, что это именно обстоятельство и подало поводъ называть совѣсть практическимъ разумомъ.

наго чувства иное, нежели содержаніе нравственнаго сознанія. Въ этихъ немногихъ словахъ мы, надѣемся, достаточно показали, что совѣсть, какъ нравственный законъ, обнимаетъ всѣ области психической жизни человѣка; а вмѣстѣ съ этимъ уже показали и односторонность пониманія ея какъ какой—нибудь одной частной формы душевной жизни. Съ другой стороны, изъ сказаннаго само собою вытекаетъ, что для совѣсти, какъ нравственнаго закона, нѣтъ мѣста въ животномъ, нисшемъ человѣка, мірѣ, хотя и доказываетъ совершенно противное этому извѣстный натуралистъ Чар. Дарвинъ. „Я вполне согласенъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій ⁽¹¹⁾ съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что изъ всѣхъ различій между человѣкомъ и низшими животными самое важное есть нравственное чувство или совѣсть... Оно резюмируется въ короткомъ, но могущественномъ словѣ „долженъ“, столь полномъ высокаго значенія. Мы видимъ въ немъ благороднѣйшее изъ всѣхъ свойствъ чело- вѣка, заставляющее его безъ малѣйшаго колебанія рисковать своею жизнью для ближняго.“ Но вслѣдъ за подобнаго рода похвалами совѣсти Дарвинъ рассуждаетъ уже иначе. „Всякое животное, говоритъ онъ, одаренное ясно выражаемыми общественными инстинктами, должно роковымъ образомъ пріобрѣсти нравственное чувство или совѣсть, какъ только его умственные способности достигнутъ такого же, или почти такого же высокаго развитія, какъ у челоѣка ⁽¹²⁾.“ „Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, всякое животное должно имѣть внутреннее сознаніе, что одни изъ его инстинктовъ болѣе сильны и долговѣчны, а другіе менѣе; въ каждомъ должна иногда возникать борьба между этими инстинктами и въ сознаніи должно оставаться удовольствіе или неудовольствіе при сравненіи прошлыхъ впечатлѣній, безирерывно пробѣгающихъ въ умѣ. Въ этомъ случаѣ внутренней голосъ долженъ говорить животному,

(11) Чар. Дарвинъ. Происхожденіе челоѣка и подборъ по отношенію къ полу; въ 2-хъ том. Перев. съ англійскаго подъ редакціею Сѣченова 2-е изд. 1874 г. т. I, 50 стр.

(12) Тамъ-же 51 стр.

что лучше было бы слѣдовать тому, а не другому инстинкту, поступать такъ, а не иначе, что это было бы хорошо, а то дурно (13): „Какъ то плохо вяжутся съ этими положеніями другія мѣста того же самаго сочиненія. „Всѣ поступки, говоритъ Дарвинъ, принадлежащія къ извѣстной категоріи, мы называемъ нравственными, если они совершены нравственнымъ существомъ. Нравственнымъ же я называю такое существо, которое способно сравнивать между собою свои прошлыя дѣйствія или побужденія, и осуждать или одобрять ихъ. Мы не имѣемъ основаній предполагать, что какое либо изъ низшихъ животныхъ обладаетъ этою способностію; поэтому, если обезьяна идетъ на встрѣчу опасности, чтобы выручить товарища, мы не называемъ ея поступка нравственнымъ. Но относительно человѣка, который одинъ можетъ быть съ увѣренностію названъ нравственнымъ существомъ, всѣ дѣйствія извѣстнаго рода называются нравственными (14): „Непонятное противорѣчіе... Чтобъ имѣть совѣсть, животное должно имѣть „ясно выраженные общественные инстинкты“; оно ихъ имѣетъ— въ доказательство чего самъ же Дарвинъ приводитъ множество примѣровъ (15), значить, имѣетъ и совѣсть, а между тѣмъ Дарвинъ, какъ сейчасъ видѣли, отрицаетъ присутствіе нравственности у животныхъ. Правда онъ основываетъ это отрицаніе на отсутствіи у животныхъ способности „сравнивать между собою свои прошлыя дѣйствія или побужденія и осуждать ихъ или одобрять“: Но вѣдь если животное способно вспоминать давно минувшія свои дѣйствія и съ другой стороны, „сознательно осуждать и обдумывать,“ свои поступки, сознательно дѣйствовать такъ, а не иначе, — руководиться „рядомъ старыхъ ассоціаций,“ — а все это для Дарвина несомнѣнный фактъ (16), то въ такомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго права говорить: „мы не имѣемъ основаній предполагать, что животное не можетъ сравнивать между

(13) Тамъ-же 52—53 стр.

(14) Тамъ-же 64—65 стр.

(15) Тамъ-же, с. 53—61.

(16) Тамъ-же, с. 30—45.

собою своихъ прошлыхъ дѣйствій, одобрять или осуждать ихъ,“ а вмѣстѣ съ этимъ нѣтъ, значить, основанія отрицать бытіе въ немъ нравственности и совѣсти. — Далѣе, если нѣтъ основаній, какъ говорить это самъ Дарвинъ, называть нравственнымъ поступокъ обезьяны, которая „идеть на встрѣчу опасности, чтобы выручить товарища, хотя „общежительныя животныя, стоящія на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы творенія, управляются почти исключительно... общественными инстинктами“ и не безъ участія разума (17), то нѣтъ основаній и говорить, что совѣсть „имѣетъ первымъ источникомъ своимъ общественные инстинкты“ (18): Точно также неустойчивъ Дарвинъ и въ самомъ понятіи о совѣсти. „Въ минуту дѣйствія, говоритъ онъ, человѣкъ склоненъ конечно слѣдовать болѣе сильному побужденію; и хотя это свойство ведетъ иногда его къ самымъ благороднымъ поступкамъ, однако оно еще чаще заставляетъ его удовлетворять собственнымъ желаніямъ въ ущербъ другимъ людямъ. Но послѣ ихъ удовлетворенія, когда прошлыя и болѣе слабыя впечатлѣнія стануть лицомъ къ лицу съ постоянно присущими общественными инстинктами, неминуемо послѣдуетъ наказаніе. Человѣкъ чувствуетъ недовольство собою и рѣшается, съ большей или меньшей, энергіей поступать иначе на будущее время. Это—совѣсть; потому что совѣсть обращается къ прошлому, обсуждаетъ совершенныя дѣла, внушая тотъ родъ недовольства, который въ слабой степени называется сожалѣніемъ, а въ сильной раскаяніемъ“ (19): Что же такое совѣсть по Дарвину? Прежде всего, она отличается здѣсь, какъ отъ частныхъ побужденій человѣка, такъ и отъ постоянно—присущихъ ему общественныхъ инстинктовъ; затѣмъ, она отличается отъ чувства, напр. отъ чувства сожалѣнія и раскаянія, которыя являются результатомъ дѣятельности совѣсти. Слѣдовательно, совѣсть уже не нравственное чувство, какъ прежде часто называлъ ее Дарвинъ, а та нравствен-

(17) Тамъ-же, с. 62.

(18) Тамъ-же, с. 124.

(19) Тамъ-же, с. 66 и 67.

ная сила, которая обязывает человека или, какъ выражается Дарвинъ, возбуждаетъ въ человѣкѣ рѣшимость „поступать иначе на будущее время,“ — которая судить или обсуждаетъ минувшія дѣла человека и, наконецъ, сила, которая наказываетъ человека. Надѣмся, что мы ничего лишняго не приписали Дарвину, а только высказали то, что прямо вытекаетъ изъ его же собственныхъ словъ. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ и самъ онъ называетъ совѣсть „понятіемъ о добрѣ и злѣ“ (20), „что едва ли можно помирить съ понятіемъ о ней, какъ о нравственномъ чувствѣ. Такимъ образомъ, Дарвинъ въ одно и тоже время и приписываетъ совѣсть животнымъ и отрицаетъ: первое онъ дѣлаетъ подъ условіемъ развитія способностей животныхъ до той ступени, на которой стоитъ человѣкъ, а второе уже само собою является результатомъ дѣйствительнаго, настоящаго состоянія животнаго царства. Въ такомъ случаѣ уже само—собою вытекаетъ, что животное имѣло бы нравственность и совѣсть, если бы оно было не животнымъ, а человѣкомъ.

Значить, мы остаемся при томъ же понятіи о совѣсти, именно—какъ о нравственномъ законѣ, который отъ начала присущъ душѣ человека,—который, говоритъ Тертуллианъ, замѣняетъ законъ для незнающихъ закона,—и который, наконецъ, принадлежитъ только человѣку. Но такъ какъ наша задача не только философскаго, но и богословскаго характера, то очевидно, мы должны обосновать этотъ взглядъ на Священномъ Писаніи.

*Некрологъ священника домової атаманскої церкви о.
Венедикта Войтова.*

23 Апрѣля сего года скончался законоучитель реальнаго училища и женской гимназіи, священникъ домової атаманскої церкви Венедиктъ Войтовъ. Сынъ священника, воспитанникъ Воронежскої духовной семинаріи, въ которой онъ окончилъ курсъ съ званіемъ студента, покойный 4 марта 1856 г. былъ руко-

положенъ бывшимъ Архіепископомъ Донскимъ, преосвященнымъ Іоанномъ въ санъ священника въ Нижне-Кундрюческую станицу. Не долго продолжалась его дѣятельность на этомъ первомъ поприщѣ его служенія. Не прошло и года, какъ его постигъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ судьбы — смерть жены. Это несчастіе и связаннаы съ нимъ тяжелыя воспоминанія побудили его искать перемѣны мѣста служенія и въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1857 г. онъ былъ опредѣленъ на священническое мѣсто въ Донской архіерейскій домъ. Здѣсь онъ по порученію епархіальнаго начальства проходилъ различныя должности, а именно: былъ нѣкоторое время духовникомъ ставленниковъ, затѣмъ назначеemъ архіерейскаго дома и ризничимъ крестовой церкви. Своею ревностію въ выполненіи возлагаемыхъ на него обязанностей онъ скоро обратилъ на себя вниманіе епархіальнаго начальства и уже въ ноябрѣ 1858 г. удостоился первой духовной награды — набедренника. Въ апрѣлѣ 1860 г. онъ былъ опредѣленъ — присутствующимъ въ Донской консисторіи, а съ мая того же года онъ сталъ принимать участіе въ качествѣ члена въ занятіяхъ строительнаго комитета по исправленію Новочеркасскаго духовнаго училища. Съ этого года направленіе его дѣятельности стало измѣняться. Даровитый отъ природы, развившій свои способности школьнымъ образованіемъ и самостоятельными научными занятіями, онъ почувствовалъ влеченіе къ педагогической дѣятельности. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ имъ въ августѣ 1860 г. поступленіемъ на должность законоучителя въ Новочеркаскую женскую гимназію, въ каковой должности онъ состоялъ до дня своей смерти. Молодыя, свѣжія силы и цвѣтущее состояніе здоровья позволяли еще ему въ это время совмѣщать свои учебныя занятія съ епархіальною службою и онъ съ полною готовностію принималъ и со всегдашнимъ усердіемъ выполнялъ различныя обязанности, возлагаемыя на него епархіальнымъ начальствомъ, въ томъ числѣ должность попечителя и казначея въ Донскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ духовнаго званія

съ октября 1865 г. и уномянутую уже должность присутствующаго въ консисторіи, которая въ то время была безвозмездною. Въмѣстѣ съ этимъ онъ съ января 1862 г. несъ обязанности приходскаго священника при Новочеркасскомъ кафедральномъ соборѣ. Всѣ эти труды по епархіальной службѣ не мѣшали ему отдаваться педагогической дѣятельности, къ которой онъ сталъ чувствовать особенное влеченіе. Кромѣ законоучительскихъ занятій въ женской гимназіи онъ съ 1866—1871 г. безвозмездно преподавалъ законъ Божій въ педагогическомъ отдѣленіи при Новочеркасской мужской гимназіи. При такой многосложности своихъ трудовъ покойный на все находилъ силы и время и какъ на учебномъ поприщѣ, такъ и на епархіальной службѣ выдавался своею ровностію, исполнительностію и добросовѣстностію. По этому какъ начальства учебныхъ заведеній высоко цѣнили его дѣятельность, такъ и епархіальная власть воздавала должное его заслугамъ за него, какъ говорится въ его послужномъ спискѣ, „вполнѣ полезное преподаваніе закона Божія въ педагогическомъ отдѣленіи при Новочеркасской гимназіи“ ему ежегодно была объявляема „искреннѣйшая благодарность“ отъ двухъ попечителей харьковскаго учебнаго округа. Кромѣ неоднократно выраженной ему епархіальною властію съ внесеніемъ въ послужный списокъ „благодарности“ и „признательности“ за его всегдашнюю исправность по службѣ и отлично усердную дѣятельность, онъ, по ходатайству епархіальнаго начальства, въ Апрѣлѣ 1864 г. былъ Всемилостивѣйше пожалованъ бархатною фіолетовою скуфьею, а въ 1869 г. камилавкою. Съ началомъ 1870 г. симпатіи покойнаго стали замѣтнѣе склоняться къ исключительно педагогической дѣятельности. Еще въ декабрѣ 1869 г. онъ принялъ должность законоучителя мужской гимназіи и для того, чтобы получить возможность вполнѣ сосредоточить силы на своихъ учебныхъ занятіяхъ онъ сталъ постепенно слагать съ себя должности по епархіальному вѣдомству. Въ январѣ 1870 г. онъ отказался отъ должности члена Донской духовной консисторіи, въ февралѣ того же года оставилъ

свою службу приходскаго священника при Новочеркасскомъ кафедральномъ Соборѣ и, по ходатайству Войсковаго Наказнаго Атамана М. И. Черткова, опредѣленъ священникомъ къ безприходной домовою атаманскою церкви; какоюцѣ въ апрѣлѣ 1872 г. онъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности казначея попечителя въ епархіальномъ попечительствѣ. Но до самой смерти покойный оставался членомъ Новочеркасскаго благочинническаго совѣта, а также членомъ Правленія духовнаго училища, каковую должность по избранію окружнаго съѣзда духовенства онъ проходилъ второе трехлѣтіе. За отлично усердное прохожденіе возложенныхъ на него должностей покойный былъ Всемилостивѣйше пожалованъ наперстнымъ крестомъ и въ апрѣлѣ 1876 г. сопричисленъ къ ордену св. Анны 3 степени. Самою же драгоцѣнною для него наградою былъ брилліантовый перстень, пожалованный Императоромъ во время посѣщенія Его Величествомъ города Новочеркасска въ августѣ 1872 года.

Тяжелые безпрестанные труды надломили его нѣкогда желѣзныя силы. Уже въ началѣ 1877 г. въ досихъ поръ незнакомомъ ни съ какими страданіями здоровьи покойнаго показали признаки разстройства. Съ наступленіемъ марта болѣзненные симптомы усилились: появился удушливый кашель, сопровождаемый острою болью въ груди и лихорадочнымъ состояніемъ. Больной былъ вынужденъ прекратить на нѣкоторое время свои обычные занятія. Несмотря на то, что медиками его болѣзнь признана была хроническою и трудно-излечимою и какъ для друзей покойнаго, а такъ и для него самаго стало ясно, что пришла пора серьезно подумать о сохраненіи силъ, уже надорванныхъ неутомимою дѣятельностію, — нѣкоторое облегченіе почувствованное имъ съ наступленіемъ болѣе теплаго времени и привычка постоянно трудиться взяли перевѣсъ надъ внушеніями самосохраненія, но и покойный послѣдній остатокъ силъ принесъ въ жертву любви къ своему долгу. До самыхъ каникулъ онъ продолжалъ выполнять свои многосложныя обязанности съ тою же неутомимою ревностію,

какая характеризовала его дѣятельность еще въ периодъ цвѣтущаго состоянія его силъ и здоровья. Временно утихшія страданія возобновились и предпринятая больнымъ, по совѣту медиковъ, поѣздка въ Крымъ не принесла ожидаемыхъ результатовъ. Впрочемъ, кажется благодаря этой поѣздкѣ, а еще вѣроятнѣе полуторамѣсячному отдыху, болѣзненные припадки нѣсколько стихли и въ состояніи его здоровья даже къ концу августа не замѣчалось ничего особенно опаснаго, но крайней мѣрѣ ничего такого, что могло бы угрожать болѣе или менѣе быстрою печальною развязкою. Даже самъ больной по видимому слегка относился къ своей болѣзни и только по временамъ сухой, удушливый кашель напоминалъ ему объ осторожности. Вслѣдствіе этого въ видахъ сокращенія своихъ занятій онъ просилъ о перемѣщеніи его съ должности законоучителя Новочеркасской мужской гимназіи на такую же должность во вновь открывшееся въ городѣ Новочеркасскѣ реальное училище, каковое перемѣщеніе состоялось 31 августа 1877 г. Въ сентябрѣ и октябрѣ онъ еще чувствовалъ себя хорошо, а затѣмъ въ ноябрѣ покойный, никогда не показывавшій ни малѣйшей склонности къ суевѣрью, видѣлъ замѣчательный сонъ, который оказалъ на него самое подавляющее нравственное вліяніе и былъ въ его глазахъ предвѣстникомъ неминуемой близкой кончины. Чрезъ два дня послѣ этого, въ теченіи которыхъ покойный былъ необыкновенно вѣжливъ и задумчивъ, онъ почувствовалъ серьезное ухудшеніе въ состояніи своего здоровья. Къ ставшему уже обычнымъ кашлю и боли въ груди присоединилось поражение гортани; страданіе грудныхъ органовъ отразилось воспалительнымъ состояніемъ и ранами въ глоткѣ. Больной часто рассказывалъ посѣщавшимъ его друзьямъ свой сонъ и обыкновенно раздражался, когда рѣчь заходила о его выздоровленіи, возможности котораго онъ нисколько не предполагалъ. Дѣйствительно, болѣзнь не уступила всѣмъ мѣрамъ врачебнаго искусства и поражение гортани, все болѣе ухудшаясь, отнимало у него возможность даже нормальнаго питанія. Больной

въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ жилъ уже однимъ молокомъ, да и то принималъ съ величайшимъ трудомъ. Когда состояніе его сдѣлалось явно безнадежнымъ и друзья совѣтовали ему принять св. таинство елеосвященія, единственно чудодѣйственная сила котораго могла бы его спасти, то онъ отвѣчалъ, что, глубоко вѣруя въ святость таинства, не хочетъ искушать Господа Бога, благоволившаго заранѣе возвѣстить ему предѣлъ жизни. Въ воскресенье 23 апрѣля въ часу 5 пополудни онъ скончался въ полномъ сознаніи и памяти, приобщившись св. таинъ, сдѣлавши свои послѣднія распоряженія и простившись съ окружающими.

Такъ прекратилась многотрудная и мнообщавшая жизнь покойнаго на 48 году отъ рожденія. Искренно пожалѣли о немъ всѣ друзья, а ихъ было немало, потому что всякій, кому только случилось хоть не много узнать покойнаго, по неволѣ становился его другомъ. Его доброжелательность, его всегдашнее радушіе располагали къ нему сердца всѣхъ сослуживцевъ и знакомыхъ. Мы можемъ съ увѣренностію сказать, что покойный не имѣлъ враговъ. Отличительною чертою его частной жизни было древнерусское гостепримство. Онъ пользовался всякимъ свободнымъ временемъ, чтобы собрать у себя многочисленный кружокъ своихъ друзей и въ ихъ средѣ найти моральное отдохновеніе отъ своихъ трудовъ.

15 Апрѣля былъ выносъ и погребеніе покойника. Къ выносу тѣла изъ дома въ кафедральный соборъ, въ которомъ должна была совершиться литургія и отиѣваніе, кромѣ несмѣтной толпы народа явились всѣ сослуживцы покойнаго, а также воспитанники мужской гимназіи, реального училища, духовнаго училища и воспитанницы женской гимназіи. Самъ Войсковой Наказный Атаманъ съ своею супругою удостоили отдать послѣдній долгъ покойному и, послѣ совершенной въ ихъ присутствіи панихиды въ домѣ, проводили тѣло въ соборъ. Гробъ отъ дома до собора несли сослуживцы покойнаго. Довольно просторная соборная церковь не вмѣщала всей толпы народа и воспитанники

гимназій, а также множество другихъ лицъ, не попавшихъ за тѣсною въ храмъ, плотною массою покрывали всю громадную соборную площадь. Послѣ литургіи, отпѣваніе тѣла совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Александръ въ сослуженіи почти всего градскаго духовенства. Вся собравшаяся къ выносу толпа народа послѣдовала и на кладбище, несмотря на дальность разстоянія, довольно жаркій день и удушливую пыль, которая густыми, непроницаемыми для глаза облаками покрывала печальное шествіе.

Некрологъ священника Новочеркаскаго собора о. Александра Герасимова.

6 Мая смерть неожиданно похитила еще одну жертву изъ среды Новочеркаскаго духовенства. Послѣ небольшаго полтора часовой агоніи скончался на 56 году отъ рожденія соборный священникъ, членъ духовной консисторіи Александръ Герасимовъ. Покойный, сынъ священника, окончилъ съ званіемъ студента курсъ въ Воронежской духовной семинаріи въ 1845 году и въ маѣ 1847 г. поступилъ учителемъ въ Новочеркасское духовное училище. Здѣсь онъ трудился около 10 лѣтъ, получая самое ничтожное вознагражденіе, кажется 70 руб. въ годъ. Затѣмъ, хотя училищная служба и ствѣчала его призванію, но совершенно не обезпечивала существованія и ничего немогла обѣщать ему въ будущемъ, кромѣ тяжкихъ трудовъ и лишеній, онъ поступилъ на священническое мѣсто въ новочеркасскій кафедральный соборъ, — каковое мѣсто онъ занималъ и до дня своей смерти. Однакоже онъ сохранилъ любовь къ заведенію, на служеніе которому отдалъ свои молодые силы, а также десять лучшихъ лѣтъ жизни и съ 1867 г. до своей кончины безвозмездно трудился для него въ должности чл. на Правленія отъ духовенства.

Внезапная кончина его поразила глубокою скорбію какъ не ожиданно осиротѣвшую семью, такъ и многочисленныхъ друзей покойнаго, которыхъ онъ стужалъ снискать и искренно расположить

къ себѣ своимъ честнымъ, открытымъ характеромъ, своимъ неизмѣннымъ добродушіемъ и общительностію. Покойный впрочемъ никогда не отличался особенно цвѣтушимъ состояніемъ здоровья. Тотъ же, можетъ быть развѣ не много меньше согбенный, станъ, тоже самое блѣдное, нѣсколько страдальческое выраженіе лица, какое замѣчалось въ его наружности въ предпоследнее время жизни, характеризовали ее издавна, даже тогда, когда онъ еще только начиналъ свою службу. Все указывало на скрытый недугъ, который рано или поздно долженъ былъ прекратить эту, можно сказать на волоскѣ висѣвшую, жизнь. Только умные, проникательные и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушные глаза, придававшіе оживленіе всей его наружности и неистощимый, веселый, безобидный юморъ, отличавшій его бесѣду, показывали, что въ этомъ слабомъ тѣлѣ, хрупкомъ скудельномъ сосудѣ таится исполненный силы и энергіи духъ. Замѣчательно, что покойный самъ ни когда не придавалъ серьезнаго значенія своему недугу, рѣдко и то только въ особенно трудныя минуты по настоянію своихъ домашнихъ обращался къ врачебной помощи и никогда не прекращалъ своихъ обычныхъ занятій. Онъ мало вѣрилъ въ чело-вѣческую помощь, видѣлъ въ своей болѣзни перстъ Божій, земной крестъ, который свыше суждено было ему понести по узкому и прискорбному пути, доколѣ всесвѣтой волѣ Провидѣнія благоугодно будетъ снять съ него эту ношу, а вмѣстѣ съ нею и всѣ земныя скорби и заботы. На совѣты родныхъ и друзей прекратить на время свои занятія и систематически полечиться онъ обыкновенно отвѣчалъ, что нехочетъ создавать себѣ безцѣльныхъ страданій, надеждъ и опасеній, съ какими всегда связываются чело-вѣческія попытки передѣлать высшія предначертанія Творца и Зиждителя. Давно уже, очень давно его легкія были поражены неизлѣчимою болѣзнію и только сильный духъ, да его добрая жена могли поддерживать въ теченіи многихъ лѣтъ немощное, изнуренное тѣло. Очень можетъ быть, что слабая нить его жизни еще протянулась бы на неопредѣленное время, если

бы не жестокия нравственныя потрясенія, которыя суждено было ему испытать въ послѣдній годъ и которыя безъ всякаго сомнѣнія, такъ сказать, вырыли для него преждевременную могилу. Глубоко честный по природѣ и убѣжденіямъ, чувствительный ко всякой несправедливости, всегда старавшійся быть точнымъ и добросовѣстнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей, искренній и безпредѣльно довѣрчивый, видѣвшій въ другихъ одни хорошія стороны, онъ въ недавнее время былъ сильно пораженъ и возмущенъ открывшеюся капитальною растратою хранившихся въ консисторіи попечительскихъ и епархіальныхъ суммъ, — растратою, произведенною сѣумѣвшимъ втереться въ полное довѣріе членовъ этого учрежденія и воспользоваться ихъ юридическою неопытною казначеемъ. Трудно изобразить ту нестерпимую нравственную пытку, какую долженъ былъ испытывать покойный при такомъ открытіи, которое, съ одной стороны, колебало его вѣру въ людскую честность, а съ другой и ему самому грозило незавидною ролью безъ вины виноватаго. Онъ упалъ духомъ и это имѣло самое разрушительное вліяніе на его здоровье. Въ первые седмицы прошедшаго поста его уже почти нельзя было узнать. Какая то чисто старческая дряхлость стала замѣтно выступать во всей его осанкѣ. Рѣже уже можно было видѣть покойника въ кружкѣ искренно любившихъ его друзей и чаще вмѣсто прежняго добродушнаго юмора стали слышаться изъ его устъ заунывные звуки. Судьба горячо любимой семьи, которая могла вслѣдствіе сказанной растраты лишиться послѣднихъ крохъ приобрѣтеннаго честнымъ, долгимъ и тяжкимъ трудомъ достоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ немъ потерять единственную свою опору, сильно беспокоили его. Впрочемъ покойный никогда не жаловался и на этотъ безъ сомнѣнія самый тяжкій въ его жизни крестъ. Онъ глубоко вѣрилъ, что семьи его не оставитъ Единый Отецъ вдовъ и сиротъ, святой волю Котораго уже угодно было исчислить дни труженика и наложить печать смерти на его существованіи. Съ этою вѣрою онъ до послѣдняго дня не переста-

валъ трудиться, хотя видимо привычные труды оказывались теперь не посильными. Покойный все болѣе слабѣлъ, но казался самъ ни сколько не замѣчалъ этого и не давалъ ни какого повода къ серьезному опасенію своимъ близкимъ. Послѣднія седмицы великаго поста въ связи съ наступленіемъ теплаго весенняго времени принесли больному замѣтное облегченіе и этимъ облегченіемъ онъ воспользовался только для того, чтобы съдвоенною энергіею отдаться исполненію своихъ обязанностей. Всю страстную седмицу онъ служилъ въ соборѣ и ни обычная въ это время продолжительность богослуженія, ни исполненіе въ промежуткахъ службъ церковныхъ извѣстныхъ обязанностей по приходу, ни наконецъ строгій постъ повидимому ни сколько не утомляли слабыхъ его силъ.

Наступило 6 мая—одинъ изъ прелестнѣйшихъ дней настоящей весны. По видимому сама природа жалилась надъ страдальцемъ, вся жизнь котораго, отравленная тяжкимъ недугомъ, напоминала собою одну пасмурную осень, и кроткою прелестію весны рѣшилась усладить закатъ дней его жизни. Съ утра покойный чувствовалъ себя бодрымъ и свѣжимъ, насколько этого позволяло ожидать его обычное болѣзненное состояніе. По привычкѣ онъ отправился въ храмъ, а затѣмъ пилъ чай и съ обыкновеннымъ своимъ юморомъ бесѣдовалъ съ семейю. Послѣ чаю онъ вышелъ прогуляться на крыльцо своего дома и тутъ чрезъ нѣсколько времени внутренно почувствовалъ, что наступила давно ожидаемая пора отправится въ путь, съ котораго не возвращаются. Съ нѣкоторымъ трудомъ вошедши въ комнату, онъ объявилъ жене, что часъ его пробилъ и просилъ позаботиться о его послѣднемъ христіанскомъ напутствіи. Въ непродолжительномъ времени явился по приглашенію отецъ ключарь мѣстнаго собора, исповѣдывалъ и приобщилъ больного. Затѣмъ самъ онъ имѣлъ еще настоль-

ко силъ, что снялъ со стѣны икону, благословилъ ею собравшуюся семью, особенно трогательно простился съ женою, со слезами благодарилъ ее за то, что она болѣе двадцати лѣтъ была вѣрною спутницею въ его страдальческой жизни и тихо скончался. Когда уже онѣмѣлъ его языкъ и не двигались руки, глаза его еще выражали полное сознание и въ предпоследнюю минуту онъ сдѣлалъ головою прощальный знакъ окружающимъ его. Быстро облетѣла весь кружокъ городскихъ родныхъ и друзей покойнаго печальная вѣсть и немного времени спустя домъ скорби сталъ наполняться близко знавшими покойнаго лицами. Трудно передать раздирающее душу впечатлѣнiе, какое производила вся обстановка несчастнаго событiя, видъ убитой горемъ и въ безмолвномъ отчаянiи съ неподвижно-устремленными на хладный трупъ полными слезъ глазами стоявшей на колѣняхъ возлѣ покойника жены, которая какъ бы еще не вѣрила всей силъ постигнаго ее несчастья, какъ бы еще ожидала, что на вѣки сомгнувшiеся уста опять раскроются и она услышитъ изъ нихъ, если не слово утѣшенiя и надежды, то, по крайней мѣрѣ, послѣднее прости.

8 Мая въ соборѣ послѣ литургiи отпѣванiе покойника совершено было Преосвященнымъ Несторомъ, епископомъ Аксайскимъ при участiи почти всего градскаго духовенства. Храмъ былъ полонъ народа. Отдать послѣднiй долгъ покойнику явились не только его близкiе и знакомые, но и почти все его духовные дѣти-соборные прихожане, которые искренно его цѣнили, какъ добраго, нелицемѣрнаго пастыря. Въ минуту прощальнаго цѣлованiя густая толпа окружила гробъ и почти у всехъ были на глазахъ слезы. За гробомъ на кладбище шли также воспитанники духовнаго училища, въ которомъ онъ нѣкоторое время служилъ учителемъ, а послѣ—до самой кончины состоялъ членомъ Правле-

нія отъ духовенства и въ которомъ онъ какъ въ качествѣ учителя, такъ и члена Правленія оставилъ по себѣ добрую память. Къ часу по полудни все было кончено и свѣжая могила на всегда сокрыла бранные останки много потрудившагося, еще болѣе въ теченіи жизни пострадавшаго, добраго, честнаго человѣка и горячо любимаго отца тяжко опечаленной семьи. С. М.

СОДЕРЖАНІЕ. 1. *Отдѣлъ оффиціальный.* Распоряженія епархіальнаго начальства. О назначеніи новаго срока представленія въ консисторію благочинными свѣчныхъ денегъ. Епархіальныя извѣстія. 1. О награжденіи духовныхъ лицъ Донской епархіи. 2. Объ изъявленіи признательности за усердіе къ проповѣданію слова Божія. 3. Перемены по службѣ священноцерковнослужителей. Умершіе. 4. Производство въ чины. 5. О постройкѣ приписной церкви въ хуторѣ Больше-Лычацкомъ. 6. Объ утвержденіи церковныхъ старостъ. 7. О пожертвованіяхъ на пріобрѣтеніе крейсеровъ. Отъ правленія Донской духовной Семинаріи. II. *Отдѣлъ неоффиціальный.* 1. Понятіе о совѣсти съ психологической стороны. 2. Некрологи священниковъ: Веледикта Войтова и Александра Герасимова.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи Александръ Гиляревскій.

Печатать дозволяется: Цензоръ, протоіерей *Григорій Прозоровскій*. Новочеркаскъ. Юня 1 дня 1878 года.

Печ. въ Област. войска Донскаго Типографіи. Юня 1 дня 1878 г.